

ФЕДОР АБРАМОВ
ВОКРУГ ДА ОКОЛО

Очерк
(фрагмент)

Глава I

«Хлип-чав, хлип-чав, хлип-чав...»

Это под ногами, а сверху все льет и льет. И так две недели подряд.

У Анания Егоровича болели зубы, и он шел, подняв воротник плаща и держась рукой за правую щеку. Клавдия Нехорошкова, бригадир зареченской бригады, шагала впереди. Длинный, забрызганный грязью дождевик колом стоял на ней.

У озерины они остановились.

– Значит, так, – сказал Ананий Егорович, повторяя то, что говорил ей с полчаса назад в конторе, – переправишь за реку трактор, и силос вози трактором.

– Понятно, – сказала Клавдия низким, простуженным голосом.

Она вытерла ладонью красное белобровое лицо, шумно, как лошадь, отряхнулась и пошла направо, в обход озерины, туда, где дорога сворачивала на перевоз.

Ананий Егорович стал искать брод.

И вот он стоит на лугу. Стоит как на пытке. Глухо шуршит, стекая по плащу, дождь, мокнет затекшая рука, прижатая к щеке, а кругом, куда ни глянешь, – сенная погибель. Сорок пять гектаров сена гниет на лугах под деревней да еще восемьдесят – по дальним речкам.

Он перевернул сапогом сеной пласт – тяжелый бражный дух, прель навоза, – посмотрел на небо. Ни единого просвета не было в низких, набухших водой облаках. Да, еще дня два – и прощай сено. Полный разор колхозу...

Нет, он не оправдывал себя. Это он, он отдал распоряжение снять людей с сенокоса, когда еще стояла сухая погода. А надо было стоять на своем. Надо было ехать в город, в межрайонное управление, драться за правду – не один же райком стоит над тобой! Но, с другой стороны, и колхознички хороши. Они-то о чем думают? Раз с сеном завалились, казалось бы, ясно: жми всю на силос – погода тут ни при чем. Так нет, уперлись как тупые бараны – хоть на веревке тащи. Вот и сегодня на поле, с которого возили горох (он давно, еще с горы, заметил это), мокнут одни доярки.

– Ананий Егорович! Ананий Егорович! – разноголосо закричали доярки, заметив его.

Он помахал им рукой, прибавил шаг. На сердце у него немного потеплело. Вот уж с кем с кем если он и находит общий язык, так это с доярками. Семь молоденьких девчонок, недавно поднявшихся со школьной скамьи, а на них по существу держится весь колхоз. Каждая копейка в колхозе выдаивается их руками.

Доярки – пожалуй, самая большая трудность, с которой он столкнулся, став председателем. Пожилые колхозницы, которые вынесли на себе все тяготы послевоенного лихолетья, сошли на нет: у одной руки разворочены ревматизмом, у другой – грыжа, у третьей – еще что-нибудь. Да и как с полуграмотными бабами, которые умеют только по старинке валить сено скотине, осуществить крутой подъем хозяйства? Вот и пришлось уламывать старшекласниц – неделями, месяцами. Если сама девушка согласна, мать на дыбы. Как? Моя дочь да с навозом валандаться? Для этого мы с мужиком ее учили, жилы из себя тянули?

Но и после того как девушки начали работать, сколько же горя пришлось хлебнуть с ними! Подоить коров, убрать навоз, съездить на луг за подкормкой – это они пожалуйста. А вот, скажем, корову вести к быку... Валя Постникова, беленькая, голубоглазая девчонка, второй год работает на скотном дворе, и сколько ни говори, ни доказывай, что яловая корова – бич для колхоза, – бесполезно. Ананий Егорович возмущался: чему у нас учат в школе? Для кого готовят этих кисейных барышень? Но в то же время где-то в душе он понимал и сочувствовал этой робкой стыдливости.

Девушки окружили его со всех сторон, едва он ступил на поле, – мокрые, улыбающиеся, одетые на редкость пестро: кто в цветастой непромокаемой накидке, кто в ватнике, кто в лыжных ярких штанах, а Нюра Яковлева – та даже в одной вязаной кофточке. У Нюры была высокая, красивая грудь, надо полагать, это обстоятельство имело немаловажное значение в выборе одежды.

Хотя девчата встретили его улыбками, но заговорили возмущенно:

– Где люди?

– Неужели только дояркам силос надо?

– Мы не железные за всех отдуваться!

Ананий Егорович отщучивался – самое поганое дело это играть бодрячка, когда надо кричать караул! – а потом, услышав тарыхтение на лугу, переключил внимание девушек на машину.

Васька Уледев, высунув горбоносую разбойничью рожу из кабины, задним ходом въехал на поле.

– Все в порядке, – отрапортовал он, выскакывая из машины. – Чугаев у ямы с тремя бабами.

– А Якова почему нет?

– Яшка сидит в ручье. Тормоза отказали.

Уледев говорил в сторону. Дегтярные шальные глаза его на выкате подозрительно блестели.

– Ты что, с утра прикладывался?

Васька нахмурился, сдвинул с затылка красный, перепачканный солидолом берет, но врать он не умел:

– Только наркомовскую. Сотнягу по-теперешнему.

– Вот что, Уледев. Если еще замечу, уволю. Последний раз предупреждаю.

– Ну, Ананий Егорович, на войне сто грамм разрешалось, а тут... И на погоду скидка нужна. Ежели я из строя выйду...

Ананий Егорович не стал слушать. Девушки уже навьючивали машину. Он взял свободные вилы-тройчатку, принялся помогать им. Горох был тяжелый, лопушистый. С поднятой охапки потоками стекала вода, попадала за воротник. Время от времени он подбадривал девушек:

– Так, так, девчата! Хорошо!..

– Давай, давай, девахи! Веселей! – покрикивал, вторя ему, Васька. – Женихи из деревни смотрят.

Кто-то накрыл его сзади мокрой охапкой гороха. Васька закричал благим матом, забегал по полю. Но это была шутка, и все кончилось смехом.

Машину навьючили быстро, а потом, упираясь руками в борта кузова, помогали ей выбраться на луг: колеса буксовали, вязли до осей.

Якова, второго шофера, все еще не было. Застрял, видно, основательно. И колхозники не спешили на поле. Высокий кустистый угор, на котором горбилась деревня, то тут, то там курился белыми дымками. Пускай гибнет сено, пускай пропадает горох, а мы баню топим. Среди бела дня.

Девушки в ожидании машины сбились на твердой обочине поля. Нюра Яковлева, зябко поводя плечиком, начала стряхивать со своей красивой кофточки налипшую зелень.

– Иди, Нюрка, ко мне под плащ. Замерзнешь, – сказала Эльза, бригадир доярок.

– Вот еще! Сама-то ты замерзла.

Молодец девка! Нечего хныкать. Да, удивительно, как растет молодое. Давно ли еще мать этой самой Нюры жалостливо выговаривала ему: «Какая же она скотница? Разве таскать ей ведра с водой? Посмотри, у ней ведь грудей-то еще нету». А сейчас дивчина хоть куда. Крепкая, белозубая, на тугих смуглых щеках ямочки. Только вот надолго ли задержится она в колхозе? Таких быстро прибирают к рукам. Хорошо, если выйдет замуж за своего, деревенского. А если кто подхватит со стороны? Тогда снова придется искать доярку.

Девушки запели какую-то новую, не знакомую Ананию Егоровичу песню. Про летчика Ваню и про Марусю-изменщицу. Но песня не разгорелась. Дождь погасил ее.

Еще нагрузили две машины.

Ананий Егорович в тяжком раздумье смотрел на деревню. Сейчас уже по всему косоугору тянулся дым. Вот народ! Попробуй с таким колхоз поднять. А бригадиры? Куда к чертям провалились бригадиры?

Из заречья порывами налетал ветер. Мокрая ядовито-голубая накидка, которой прикрывались сверху доярки, с шумом хлопала над их головами.

– Что, девчата? Не замерзли?

Глупейший вопрос! Зачем же спрашивать, когда он сам продрог до костей?

В конце концов он махнул рукой: по домам. Можно было, конечно, еще машины две нагрузить до обеда, но две машины дела не решают, доярок можно простудить.

И вот – опять он один на один со своей бедой. Мокнет в валках горох на поле, гниет сено на лугах...

Подумав, он пошел к реке. В зареченской бригаде, которой правила Клавдия Нехорошкова, он не был дней десять, и если лодка на этой стороне, то сейчас самое время заглянуть туда.

Лодка была на той стороне.

От лодки к крайнему домику на отшибе проторена тропа. Это тропа Клавдии, или Клавкина тропка, как называют ее в колхозе. Тропа торная, пробитая в желтой насыпи песков, прямая, как сама Клавдия.

Девятнадцать лет топчет Клавдия свою тропу. Глянешь рано утром на Заречье – солнышко только-только продирает глаза, а на песчаной косе уже маячит женщина. Высокая, величественная, как та баба-великанша, о которой говорится в сказке, и белый плат словно парус. А если непогодь, ветер-зверюга, прижимающий все живое к земле, тогда Клавдия похожа на медведицу, выгнанную из логова.

И зимой она не заставляет себя ждать. Что бы ни было на дворе – трескучий мороз, метель беспросветная, из-за которой зареченцы по неделям не вылезают в деревню, а Клавдия на лыжи – и опять мнет свою тропу. Иной раз ввалится в правление – глыба снега, места живого нет, и только голос простуженный вдруг бухнет как со дна колодца: «Какой наряд, председатель?».

И все-таки Клавдию, наверно, раз десять снимали с бригадиров, да она и сейчас официально значилась «врио». За плохую работу? За нераспорядительность? Как раз наоборот: зареченская бригада всегда первая по показателям, а о самой Клавдии и говорить нечего – она и с людьми ладит, и любую мужскую работу делает не хуже мужика, а при крайней нужде даже на трактор сядет. Нет, не за работу снимали Клавдию, а за эту самую тропу, по которой она шагала не только в колхозную контору, а и еще кое-куда. Первая работница по колхозу, и она же первая распутница... Вот и зачешешь в затылке, когда подойдет время подводить итоги за год. Надо красное знамя вручать, а кому? Женщине, на которую до десятка заявлений лежит в председательском столе. Пробовали по-всякому: стыдили, уговаривали, назначали бригадиром вместо нее мужика. Но какой мужик выдержит долго? И вот снова, скрепя сердце, призывали Клавдию: побригадирь, Нехорошкова, – временно, конечно.

Ананий Егорович не минуту и не две стоял на крутом берегу. На реке качались волны, косой дождь сек его – и хоть бы один человек показался на той стороне. Где люди? В полях, за домами? Но почему не слышно трактора? Сегодня суббота, будний день – сам бог велит работать. А что будет завтра, в воскресенье?

Нет, надо принимать меры. Срочные, решительные. Середина августа – чего же еще ждать? И вот что он первым делом сделает. Поднимется в гору и начнет прочесывать верхний конец деревни. Войдет в каждый дом, до каждого колхозника доберется. Почему не на силосе? До каких пор, черт побери, будешь волынить?

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Вокруг да около : [очерк] // Нева.– 1963.– № 1.– С. 109-137.